

Informed citizens in the Global Information Commons
Geoffrey D. Swindells

WORLD LIBRARY AND INFORMATION CONGRESS: 71ST IFLA GENERAL
CONFERENCE AND COUNCIL

"Libraries - A voyage of discovery"
August 14th - 18th 2005, Oslo, Norway

<http://www.ifla.org/IV/ifla71/Programme.htm>

Информированность граждан в мировом информационном сообществе

Вступление

В докладе, опубликованном в 2001 году Американской национальной комиссией по библиотечной и информационной науке (NCLIS), всесторонняя оценка распространения правительственной информации даёт тему для обсуждения реальных возможностей цифрового распространения правительственной информации и проблем с превращением её в эффективный инструмент гражданственности. Комиссия отметила, что, хотя « сектор государственной информации всегда играл очень важную роль в политической, экономической и социальной жизни страны... появление Интернета и Всемирной паутины (Web) феноменально увеличило значимость информации из-за способности Интернета колоссально увеличивать её возможности». Однако, в докладе признается, что эти возможности в значительной мере остаются нереализованными. Причины, по которым это происходит, многочисленны и известны. Они включают в себя проблемы, связанные с цифровым инструментарием, как таковым, (обеспечение аутентичности, сохранения и постоянной сохранности официальной информации в сети); с упорядочением этой информации, что сейчас становится более сложным делом из-за децентрализованной природы содержимого Интернета; а также с информационной политикой правительств, которые не идут в ногу с технологическими новшествами. И, возможно, ещё большее беспокойство вызывают проблемы, подчеркнутые в докладе, касающиеся доступа граждан к информации.

В докладе сообщается о двух видах доступа, «физические средства и инструменты для получения информации», и интеллектуальный доступ, возможности, «необходимые для того, чтобы знать, как получить информацию квалифицированно, эффективно и экономично». Интеллектуальный доступ оказывается в большинстве случаев непризнанным аспектом цифрового процесса, так как нельзя выйти из положения просто

предоставив большее количество технологических ресурсов, или более равномерно их распределив, - хотя сами по себе эти усилия чрезвычайно важны. Как отмечается в докладе, «отдельные граждане сталкиваются со значительными трудностями при попытке узнать, какая существует правительственная информация, могущая оказаться им полезной, как найти её просто и недорого, а затем, если найдут, разобраться в ней и использовать по назначению». Доклад определяет три основных вида компетентности для эффективного осуществления своих прав как гражданина в цифровой век: компьютерная грамотность, знания и навыки, которые позволяют гражданам пользоваться компьютером и информационными технологиями; информационная грамотность, необходимые возможности для нахождения, оценки и использования информационных ресурсов; а также «специальные навыки, касающиеся понимания и использования общественной информации». Это последнее, политическая грамотность, и является главной темой данного документа.

Однако, соглашаясь с тем, что политическая грамотность чрезвычайно важна для эффективного осуществления прав граждан, я склоняюсь к тому, чтобы не согласиться с точкой зрения, отраженной в докладе NCLIS, по этому вопросу. Грамотность – это одно из тех «спорных понятий», значение которого неизбежно смешивается с политикой и внедряется в историю, понятие, которое допускает неполное и неокончательное решение; поэтому сегодня, когда прошло уже два года из десяти, объявленных ООН Десятилетием грамотности, долгом тех, кто принимает это решение, является попытаться внести некоторую ясность в то, как этим понятием воспользоваться. Поскольку существует много вариантов значения понятия «грамотность», может быть наиболее полезным будет определить разницу между теми, кто видит грамотность как набор более или менее поддающихся определению навыков или общественных фактов, которыми необходимо овладеть, и теми, кто считает грамотность более условным комплексом социальной и культурной практики. Не проводя четкого разграничения между этими двумя позициями, мы можем сказать, что доклад NCLIS склоняется к первой позиции, а я – ко второй. Фактически это означает, что в данном документе я устанавливаю различие между политической информацией, политическим знанием и политической грамотностью, где первое – это область потенциально информативных вещей, о которых граждане могут захотеть знать и использовать; второе – это то, что они действительно знают, и третье – то, что относится к практике гражданства как такового, к процессу информированности и участия в политической жизни.

Политическая информация

Позвольте мне начать с объяснения того, что я подразумеваю под «политической информацией». В последних исследованиях информационных требований британских граждан политическую информацию определяют как то, что «выпускается национальными или местными правительствами, правительственными департаментами и организациями государственного сектора и может представлять ценность для граждан как часть повседневной жизни или как возможность участия граждан в формировании правительства и политики. Поскольку сейчас подходящая аудитория для старта, я слегка подправил бы это определение: во-первых, за счет расширения политического спектра, включив международные и региональные организации, а также политически активные организации частного сектора, такие как транснациональные корпорации; и, во-вторых, за счет включения информации о структуре правительственной документации. В первом случае признается реальная сложность политики во всемирном сообществе, а во втором указывается на одно из последствий сетевого объединения сообщества. Касаясь последнего, в недавнем руководстве к правительственной информации Соединенных Штатов на Интернетe задается вопрос: «Зачем нам нужно печатное руководство к правительственным ресурсам в информационной сети?»

Пренебрежение подобным руководством и проведение поиска независимо требует знания правительственной структуры, типов публикаций... терминологии и специальных рубрик... Не осознавая этих моментов, легко упустить какую-нибудь ценную информацию. Например, имея дело с информационными источниками Конгресса, важно суметь дифференцировать доклады и слушания. Если дело касается исполнительных органов, то необходимо иметь хотя бы элементарное представление о законе о свободе информации и разнице между публикацией и протоколом. В своем важном исследовании по вопросам политического знания в Соединенных Штатах Майкл Делли Карпини и Скотт Китер разработали очень полезную типологию, которая расширяет понятие политической информации. Они подразделяют информационную политическую сферу на три вида: информация о правилах игры (правительственные учреждения и процессы, протекающие в них); информация о сути политики («основные внутренние и внешние проблемы, существующие социально-экономические условия, ключевые политические инициативы и т.д.»); а также информация о личностях и партиях («обещания, их выполнение, характерные черты» кандидатов, партий и неправительственных организаций). Некоторое понимание этих трех категорий политической информации, как утверждают они, имеет важное значение для создания поколения информированных граждан.

Политические знания

Для большинства граждан это, в основном, terra incognita. Выстроив хронологический ряд за полувековой период, Делли Карпини и Китер утверждают, что, в целом, граждане США, достигшие избирательного возраста, плохо информированы о деталях работы правительства, что уровень политических знаний мало изменился за последние пятьдесят лет, и что это несоответствие политических знаний граждан «отражает их позицию в социальном, политическом и экономическом мире». Прямое сравнение данных по уровню политических знаний американских граждан, достигших избирательного возраста, с данными за пределами США, неубедительно, но исследования из Австралии и Голландии дают основания предполагать, что американцы в этом не одиноки, и что относительно низкий уровень политической грамотности, наряду с неравномерным распространением политических знаний по социально-экономическим направлениям – это общая черта современного общества.

Более того, расширенные межнациональные данные по учащимся средних школ также предположительны. В обзоре 1999 года, касающемся детей 14 лет из 28 стран, Международная Ассоциация по оценке достижений в области образования (IEA) пришла к выводу, что хотя большинство учащихся имеют «довольно адекватные знания о базисных понятиях демократии и гражданства», на вопросы теста правильно ответило лишь относительно небольшое количество учащихся. А эти знания являются частью такой гражданской задачи, как умение выбрать кандидата, основываясь на его предвыборных брошюрах, понимание редакционных статей в газетах и умение решить, стоит ли присоединяться к политической организации с данной идеологией.

Другими словами, установление того факта, что хотя 14-летние молодые люди могут быть в достаточной степени знакомы с формальным процессом деятельности правительства, в обзоре, практически не приводится оснований для предположения, что формальные знания этих молодых людей превратятся в конкретную способность действовать как полноценные граждане. Эта невозможность превращения формальных знаний в действительную практику подтверждается последующим исследованием данных об учащихся старших классов средних школ (в возрасте от 16 до 19 лет) в 16 странах. Исследователи IEA обнаружили, что хотя большая часть учащихся «в основном освоила основные принципы деятельности демократического правительства... остаётся неопределённость, когда требуются более серьёзные выводы». Разумеется, нам следует быть осторожными при экстраполяции этих данных, но тот факт, что скорее всего эти учащиеся получили лучшее образование в области основ гражданских прав, чем остальное население, предполагает более широкое толкование. Более того, это исследование

подталкивает нас к тому, чтобы задать вопрос, что могут представлять собой эти «более серьёзные выводы», и ставить вопрос о том, как и в какой степени Интернет способен помочь гражданам удовлетворить их требования. Это приводит меня от задач политической информации и политических знаний к задаче политической грамотности.

Политическая грамотность

То, как мы представляем себе информационные требования к гражданственности, зависит от нашего понимания гражданственности как таковой, а это, в свою очередь, придает нашему суждению об Интернете, как об инструменте демократической практики, дополнительный вес. Очень кратко, рискуя чересчур упростить, мы можем представить ряд основных моделей гражданственности на графике, где горизонтальная ось представляет собой степень активного обсуждения, ожидаемого от граждан, а вертикальная – степень политических знаний, требуемых от них для каждой модели. В верхнем правом углу мы видим классический идеал «информированного гражданина», появившегося в Соединенных Штатах в Эру прогресса, как реакция на крайности политики партий. Независимо мыслящие и самодостаточные, эти граждане встроились в сложный современный мир и в полной мере обладают способностью сделать осознанный выбор, необходимый для самоуправления. Это также граждане, о которых Вальтер Липпманн сказал: «Мне не приходилось встречать кого-либо, от президента Соединенных Штатов до преподавателя политических наук, кто хоть сколько-нибудь приблизился к принятому идеалу независимого и всесторонне компетентного гражданина». В левом нижнем углу мы видим альтернативу Липпмана. Исходя из сложности современного общества и эгоистической близорукости рядовых граждан, он рекомендует понятие гражданственности, при котором необходимость в знаниях как бы переходит от обычных граждан к экспертам, и ограничивает осмотрительность гражданина лишь кризисными моментами. В этом же углу мы находим различные версии рационального минимализма, когда необходимость в компетентности гражданина успешно игнорируется за счет использования «кратких информационных выдержек», например, о позициях групп по интересам, политических партий и мнениях других лидеров. В нижнем правом углу находится тип граждан, представленных в ответе Джона Дьюи Липпманну. Принимая многое из пессимистических оценок Липпманна в отношении компетентности граждан и признавая, что современное общество требует изучения, Дьюи остается при мнении, что «знание обладает функцией общения» и что «совершенствование условий для дебатов и дискуссий» является ключом к демократическому правлению. В отличие от типа самодостаточного гражданина периода прогрессивизма, Дьюи не заявляет о необходимости всеобщей компетентности на уровне отдельного гражданина, но, вместо

этого, он обращается к созданию структур интенсивной и экстенсивной осмотрительности, когда могут быть привлечены знания и принято рациональное решение. Есть еще один, как вы заметили, угол, левый верхний. Прежде, чем я займусь типом граждан, представленном здесь, позвольте мне остановиться на рассмотрении понятия «гражданин» в американской версии. Большинство моделей электронного правительства в США основываются на довольно шаткой концепции демократической обязанности, когда гражданам, по большей части, отводится роль клиента (потребителя?). С точки зрения как граждан, так и разработчиков системы, создание «экономичных моделей для граждан, промышленности, государственных служащих и прочих участников процесса с целью совершения сделок он-лайн менее требовательно, чем необходимость использовать технологии Интернета для создания более открытой и активной демократии на всех уровнях государственного управления. Фактически, большинство граждан, использующих Интернет для ведения деловых отношений с правительством, утверждают, что они в значительной степени удовлетворены имеющимися Интернет-услугами, хотя даже сейчас есть, что улучшить в обзорных данных. Однако, если мы рассматриваем «граждан не только как потребителей, но и как партнеров в процессе управления», то ситуация не столь оптимистична. В исследовании качества информационных услуг, предоставляемых парламентскими Веб-сайтами в Англии и в недавно переданных законодательных учреждениях Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии, Рита Марселла с коллегами из Университета Роберта Гордона обнаружили, что, хотя большинство участников теоретически считают сайты «полезными», их смущает количество и разнообразие законодательных и исполнительных органов, существующих на национальном уровне, ... им неясны их цели и, соответственно, природа информации, предлагаемой этими организациями на своих Веб-сайтах. Они встречаются с большими затруднениями в получении соответствующей информации в доступной и понятной форме, хотя большинство указывает, что они намерены пользоваться электронными источниками и в дальнейшем; немногие ощущают, что это делается для демократического участия в управлении.

Здесь был поднят ряд важных проблем. Во-первых, в исследованиях Марселлы выражается серьезная озабоченность по поводу все более усложняющейся структуры британского правительства; во-вторых, в них отмечается, что схема парламентского Веб-сайта способствует этой неопределенности, или, как минимум, не может её устранить; и, наконец, подчеркивается тот факт, что большинство граждан не воспринимают предоставляемую онлайн-информацию как приглашение к участию в политической жизни. Мне хотелось бы одновременно и возразить и подчеркнуть, что политическая

грамотность находится на пересечении следующих трех моментов: относительная сложность политической сферы, конструкция наших информационных систем и соответствие этих систем информационным потребностям граждан.

Это возвращает нас к графическому изображению гражданственности, в частности, к оставшемуся верхнему левому углу, где представлена комбинация из низкой активности участия и высоких требований к знаниям граждан. Здесь, я полагаю, мы можем разместить модели гражданственности, лучше отражающие реалии современной жизни. Мой аргумент представляет собой, главным образом, ответ Дьюи, чья модель гражданственности занимает нижнюю правую часть графика. С одной стороны, хотя я согласен с Дьюи, что познавательная способность человека ограничена и что политическая грамотность зависит в определенной степени от участия в политической жизни общества, следует отметить, что современная жизнь требует от граждан и больше, и меньше граждан, чем он предполагал. Я спорю не против идеи создания всесторонне компетентного гражданина, а против необходимости признать тот факт, который Ларс Квортруп назвал гиперсложностью. Альфред Шутц описывает эту дилемму следующим образом:

Хорошо информированный гражданин оказывается в домене, где существует неограниченное количество всевозможного справочного материала. Там нет заранее готовых справочных блоков, нет четких границ, которые могли бы помочь. Он сам должен выбирать, изучать соответствующие зоны релевантности и собирать максимум сведений об источниках этой релевантности.

Шутц сравнивает требования к «хорошо информированным гражданам» с требованиями к двум другим типам, «человека с улицы» и «эксперта». Первый живет своей повседневной жизнью, а второй – занят делами по своей специальности – в обоих случаях эти занятия отвлекают их от интенсивной работы по общественным проблемам. Это приводит меня ко второму пункту моего несогласия с Дьюи. Проблема в том, что по Дьюи разрыв между человеком с улицы и хорошо информированным гражданином может быть компенсирован только посредством «дебатов, дискуссий и убеждения». Это, видимо, потребует такого уровня вовлеченности в общественные дела, который противоречил бы нашему жизненному укладу вообще. Как говорит Майкл Уорнер, - «предполагается, что люди активны и любознательны. Но, в действительности они переменчивы в своих интересах, которые возникают случайно, время от времени». Это не принижает демократии, что я, как и Дьюи, считаю основополагающим моментом в демократическом обществе, но, скорее, поддерживаю точку зрения, что нам необходимо искать дополнительные структуры для привлечения граждан, которые могли бы обратиться туда,

когда им нужно. Предполагается также, что политическая информационная система требует размаха и гибкости одновременно, чтобы быть полезной всем гражданам, чье участие в политике эпизодично, непредсказуемо и касается широкого спектра мировых событий и социально-экономических процессов.

Информационные сообщества

Как говорилось выше, Дели Карпини и Китер задокументировали низкий уровень политических знаний среди американских граждан, и что это состояние длится уже много лет. Не рассматривая это явление как доказательство равнодушия или недостатка соответствующих навыков, они придерживаются мнения, во-первых, что большинство граждан предпринимают серьезные попытки разобраться в политической сфере, и, во-вторых, что окружающая среда больше, чем индивидуальные особенности создают препятствия для политической грамотности. Главным среди этих факторов является структура информационного окружения, Делли Карпини и Китер предлагают несколько вариантов, как сделать политическую информацию более доступной, в том числе сделать так, чтобы журналистика больше отвечала потребностям граждан. Однако, более соответствует нашим целям концепция Джона Гавенты об открытии «мест для обучения политическим знаниям», где могут происходить дискуссии на демократические темы и их анализ, даже если эти дискуссии возникают не систематически. Я утверждаю, что библиотеки – это как раз такие места.

Не взирая на успехи Интернета, библиотеки «остаются сложными, демократическими, удобными центрами любых способов обогащения в области информации, обучения и культуры». Это не должно быть неожиданностью для членов ИФЛА. Однако, мне хочется немного порассуждать о том, что делает библиотеки столь уникальными культурными учреждениями. В профессиональных дискуссиях по поводу распространения цифровых материалов наблюдается тенденция к сведению роли библиотек только как к собранию материалов, опуская при этом много других важных целей, которым они служат. Это особенно заметно в дискуссиях о ликвидации посредничества, когда заявляется, что раз все материалы становятся доступными в системе он-лайн, исчезает необходимость в библиотеках, если только они не придумают себе новой роли. Одна из таких ролей – роль информационных сообществ, предлагающих рабочее помещение и «постоянное обслуживание, обеспечивающее пользователю консультации квалифицированного персонала и различные технологии для идентификации, получения, обработки и представления информации в разнообразных форматах». Хотя я и большой сторонник идеи информационных сообществ, и согласен,

что они включают множество важных новаций, нет ничего особенно нового в самой идее библиотеки как источника знаний.

Представление о библиотеке, как всего лишь о «хранилище книг», а о библиотекарях как о «хранителях» этих книг, было очевидно уже к концу девятнадцатого века, когда появилось множество других метафор, многие из которых были почерпнуты из описания библиотеки Катриной Шарп в 1898 году как «лаборатории, мастерской, школы, университета, которые никогда не оканчиваются». По меньшей мере, со времен Липпманна и Дьюи лучшие библиотеки уже были больше, чем поставляющие информацию системы; они стали системами, которые информируют. Одним из важнейших способов, которыми библиотеки выполняют свою информирующую роль, являются справочные службы. Формальные справочные службы появились в библиотеках как реакция на все усложняющуюся информационную среду, и, через какое-то время, они сами стали сложными и многогранными. Особенно важно для политической грамотности справочное интервью – диалог между тем, кому нужна информация, и библиотекарем, который начинается с вопроса и часто превращается в мини-инструктаж, когда библиотекарь помогает развить тему, выложить структуру информации..., объясняет и помогает дифференцировать информацию, обеспечивает общее поисковое направление, демонстрирует полезность конкретной базы данных, объясняет взаимодействие, ведет пользователя в его поиске, направляет его туда, где он может получить искомые материалы и говорит, как представить информацию чётко и в соответствующем виде.

Любой библиотекарь, специализирующийся на правительственной информации, подтвердит, что большая часть справочных интервью посвящена помощи читателям в раскрытии контекста их вопросов, в преодолении сложной цепи взаимосвязей между правительственными учреждениями и библиографической сферой правительственных публикаций, а также в том, чтобы показать им собственное направление поиска на политическом поле. Позаимствовав у Михаила Бахтина, Джон Бадд описал этот вид справочных интервью как процесс диалога, совместное пользование многогранной информационной средой. Однако, этот процесс, который я продолжаю считать важнейшим для политической грамотности, стал более сложным из-за дальнейшего развития современной информационной среды. Позвольте мне обратиться к краткому обсуждению вопроса глобализации и гражданственности с целью показать развитие новой модели библиотечных услуг.

Сетевое общество

Мануэль Кастеллс охарактеризовал современное общество как «сетевое общество», где «сети устанавливают новую социальную морфологию..., а распространение сетевой

логики существенно модифицирует процессы и результаты практической деятельности, производительности и культуры». Сети «делают возможным установление бесконечных связей между различными сферами», связывая людей, учреждения и организации по всему миру. Информационные технологии принципиально важны для организации социальной жизни, а информация – это основной товар, обращающийся на сетевом рынке. Мы буквально утонули в нем. По сравнению с предыдущими эпохами, когда информация была довольно дорогостоящей, а политические преимущества выпадали на долю тех, кто мог больше на нее влиять, появление большого количества относительно недорогих каналов для распространения и получения информационных результатов создало то, что можно назвать первой эрой информационного изобилия. Однако, когда дело касается политической информации, существует опасность, что эта новая среда может, как это не покажется парадоксальным, фактически, способствовать большему неравенству и... менее понятной для общества государственной информации, чем это было в периоды относительной её нехватки. «Возрастающая сложность государственной политики и действий правительства» сильно затрудняют возможности граждан в понимании этой политики и участии в ней.

Существование различных сетей связи не является чем-то новым, но вряд ли предшествующие межрегиональные и межцивилизационные контакты через торговлю, войны и миграцию являются примерами действия таких сетей. Что касается нового, согласно Кастеллсу и другим теоретикам современной глобализации, так это то, что степень, интенсивность, скорость и влияние потоков физических артефактов, личностей, символов, знаков и информации» через сеть не только превосходят прежние времена, но эти взаимосвязи изменились и качественно. «В конце второго тысячелетия... политические сообщества и цивилизации более не могут характеризоваться как «закрытые»; они вовлечены в сложные структуры пересекающихся сил, отношений и движений».

Возможно, наиболее значительным эффектом от этого смешивания проявился в изменении природы политической власти. Начиная с Вестфальского договора 1648 года и на всем протяжении, по меньшей мере, до Второй мировой войны в национальном государстве развивалась суверенная политическая власть в рамках своих собственных, относительно четко определенных территориальных границ, в то время, как существовавшие региональные и интернациональные режимы «были ориентированы на установление минимальных правил сосуществования». Начиная с 1945 года, однако, процессы, принижающие значение национального в пользу как глобального, так и местного политического и экономического развития, способствовали *нарушению*

территориальности или *неомедиевализму (новому средневековью)*, «многогранные и многоуровневые процессы, которые охватили в мировом масштабе различные режимы, регионы, города и местности, равно, как и целые государства». Результатом этого сложного процесса для политической власти было глубокое и полное раздвоение, в котором многоцентричный макромир состоящий из широкого спектра неправительственных, транснациональных и национальных организаций – от многонациональных корпораций и до этнических групп, от NGO и до общественных движений, от пропагандистской сети до гуманитарных организаций, от наркокартеля до террористической группы, от местного правительства до региональной ассоциации и т.д. – вовлѣк их в сотрудничество, конкуренцию или другие виды взаимодействия.

Главное состоит в том, что политика всё больше усложняется, на сцене появляется всё больше политических действующих лиц, всё теснее переплетаются интересы. Образ довольно стабильной и четкой политической власти, имевшийся в нашем представлении, больше не подходит. Однако, сложность сама по себе не является достаточной причиной для отстранения граждан от политики. Важно, чтобы был доступ к богатому информационному пространству, в котором, по мере надобности, можно получить достаточно политических знаний. Однако, этому виду доступа угрожает другой аспект сетевого общества.

Кастеллис утверждает, что одним из эффектов новых информационных технологий является фундаментальная перестройка нашего отношения к пространству и времени из-за мгновенного доступа через сеть к широко разбросанным, фрагментарным и вырванным из контекста частям информации. Двигателем этого процесса являются всё более изощренные поисковые системы, подобные Google. Исследования показывают, что эти системы очень популярны у пользователей Интернета и на то есть хорошая причина. В самом деле, я не могу вспомнить ни одного рабочего дня за последние несколько лет, когда бы я не прибегал к этой системе поиска как части моей справочной работы. Эти же исследования показывают, конечно, что большинство пользователей чересчур самоуверенны относительно своих поисковых навыков и надежности результатов своих поисков. Однако, я бы скорее сказал, что реальная проблема состоит не в ликвидации посредничества как такового, и не в самоуверенной наивности большинства пользователей, а скорее в том, что Джон Шулер назвал «информационной дисперсией», «рассеиванием информационных объектов по цифровому полю». Это имеет серьезные последствия для политической грамотности, так как правительственные публикации ни в коей мере не представляют собой «библиографические записи» (markers) крупных политических событий, и «мало, что дают без понимания государственных процессов,

политики или программ, в результате которых они появились». Традиционно, как я и утверждал ранее, справочные интервью представляют собой ситуацию, когда гражданин и библиотекарь вместе стараются в этой сети найти и получить какой-то смысловой ответ. Однако, в сетевом обществе для библиотекарей, специализирующихся на правительственной информации, главной проблемой (и возможностью) является то, «как эффективно работать при таком разбросе информации, и как охватить всю сложность информационной системы».

Доступ, которого мы заслуживаем: карта и метод

Итак, поскольку современная практика гражданственности требует доступа ко все более и более разнообразным формам политической информации, сами технологии, дающие возможность доступа к ней, также имеют тенденцию к тому, чтобы обойти такой вид познавательного окружения, как библиотеки, где граждане могут получить необходимые знания. Однако, в этой последней части, я утверждаю, что политическая грамотность в сетевом обществе действительно зависит от того, насколько качественно мы сможем перенести сложную справочную структуру библиотеки в сеть. Моей отправной точкой являются две последние попытки обратиться к проблемам использования правительственной информации в режиме он-лайн.

Первая – это пример того, как мы можем начать создавать он-лайновые ресурсы, которые смоделируют, хотя и на широком концептуальном уровне, какие-то политические сведения, которые специалисты по правительственной документации своевременно донесут до справочного процесса. EULEGIS (European Users Views to Legislative Information in Structured Form) был проектом Европейской комиссии для стран Европейского Союза, созданный с целью помощи людям с разным уровнем подготовки определять и получать юридическую документацию, произведенную в различных юридических системах и на разных уровнях, от муниципального и до международных правительственных организаций. Поскольку юридические системы стран Европы существенно отличаются (например, в гражданском и обычном праве, а также есть значительные отличия в разделении властных полномочий внутри этих стран), исследователи в проекте EULEGIS определяют общую концептуальную структуру следующим образом: в юридической системе есть действующие лица; эти действующие лица участвуют в процессах; а типы документов создаются этими процессами. Они обнаружили также, что несмотря на существенную разнородность в структуре документов и языках, можно выделить какие-то типовые документы, общие для всех изучаемых юридических систем. Основываясь на этих результатах, они сконструировали прототип справочного инструмента на Веб-базе с графическим интерфейсом, что позволило

гражданам бродить по всему юридическому полю и получать интересующие их документы.

Второй момент, который я хотел бы осветить очень кратко, это – Он-лайновый проект правительственной информации (<http://govinfo.org/>), находящийся в настоящее время в разработке в Соединенных Штатах. GIO – это он-лайновый пилотный проект по развитию он-лайновых моделей одновременно руководящий виртуальными справочными службами, специализирующимися на правительственной информации.

В проекте используется программный комплект OCLC's Question Point, сочетающий чат в реальном времени со справочными услугами в режиме e-mail с вопросно-ответной системой, созданной и поддерживаемой участниками проекта. В настоящее время в проекте участвуют более тридцати библиотек. Все они – участники Федеральной программы для депозитарных библиотек и многие являются также депозитариями для правительств своих стран. Цель проекта состоит не только в том, чтобы собрать воедино экспертные знания участвующих специалистов по правительственной информации, но также расширить их досягаемость. В то время, как большинство других моделей он-лайновых информационных служб требуют, чтобы граждане сами приходили к виртуальной библиотеке, GIO стремится доставить свои услуги в те места сети, где граждане уже пользуются он-лайном, и обеспечить связь с популярными Веб-порталами, такими, как GPO Access (<http://www.gpoaccess.gov/>) и FirstGov (<http://www.firstgov.gov/>).

Джон Фритч и Скотт Мандернак утверждают, что необходим новый взгляд на библиотечную справочную службу и призывают к мультифасетному и мультимодельному подходу, который может отвечать требованиям он-лайновой среды без потери реальных преимуществ библиотек, как таковых. Они особо подчеркивают необходимость обеспечения непрерывной цепочки услуг, начиная от детальной непосредственной связи и далее через разнообразие цифровых услуг, таких, как он-лайновые консультации, базы данных FAQ (Frequently Asked Questions – Наиболее часто задаваемые вопросы), Веб-порталы и виртуальные справки. Однако, хотя я согласен с их аргументом, если мы не сможем найти способы обратиться к факту исчезновения посредника и вырывания сведений из контекста, мы не можем соответствовать требованиям политической грамотности в сетевом обществе. Итак, я считаю, что проекты EULEGIS и GIO указывают на типы услуг, которые могут обеспечить именно это. Короче говоря, нам нужно создать справочные инструменты на Веб-базе, которыми граждане могут пользоваться ежедневно и, которые предоставляют возможности для получения политических знаний либо через

посредника, либо без него. Одним из способов достичь этого является создание домена онтологий.

Я взял понятие «домен» из работы Биргера Хьорланда. Если вспомнить метафору Шутца о хорошо информированном гражданине, то как общественные личности мы оказываемся в незнакомой среде со множеством путей, без четкого представления о том, что впереди, но, тем не менее, мы должны идти вперед. Однако, эта среда не случайна, она на самом деле точно и сложно построена. Это – домен. «Онтологии» - это просто формальные модели, которые позволяют нам выстроить отношения между реалиями в данном домене. В моем настоящем исследовании я ищу пути использования домена онтологий, чтобы помочь гражданам вернуть в контекст современную политическую информацию и заставить эту информацию работать. Ниже приводится упрощенная диаграмма моего прототипа. В диаграмме используется техника моделирования, которая называется Object Role Modelling (ORM), где реальные факты или абстрактные концепции, входящие в домен, и называемые объектами, представлены овалами, а отношения между этими объектами, называемые ролями, обозначены прямоугольниками.

Очень кратко, я определил семь объектов в качестве центральных в области политической информации: действующие лица, типы действующих лиц, типы документов, типы деятельности государства, субъекты и типы задач. На первый взгляд, это кажется аналогичным онтологии в проекте EULEGIS. Однако, я провожу целый ряд отличий. Я заметил гораздо больше изоморфизма в политике. Я отмечаю это в своей модели указанием на различие между типами объектов и объектами, которые являются уникальным проявлением этих типов. Кроме возможности для граждан сравнить объекты, это позволяет им понять роль, которую играют эти объекты.

1. *Типы действующих лиц* в государстве участвуют в типах деятельности
2. В результате *типов деятельности* появляется тип документов
3. *Действующие лица* в государстве имеют властные полномочия над субъектами
4. *Типы задач* ассоциируются с объектами и ролями

Эта онтология нуждается в дальнейшей проверке. Однако, даже если она окажется успешной в теории, при практическом применении возможен целый ряд затруднений. В заключение я хочу указать на некоторые из них и кратко изложить возможные их решения. Первая проблема, видимо, главная: ради чего мы все это применяем? Я не уверен, что у меня есть определенный ответ, но могу внести пару предложений. Это можно использовать, например, для обеспечения структуры и контекста для популярных тематических порталов, таких, как FirstGov или GPO Access. В комбинации, например, с GIO, эти сайты значительно более полезны для среднего гражданина. Еще один полезный

момент был бы в том, чтобы объединить элементы онтологии с библиографическими данными, найденными в библиотечных каталогах и цифровых библиотеках. Это только два преимущества, но я уверен, что есть и другие. Второе препятствие – это, как мы заставим эту систему работать? Как мы разберемся со множеством языков, словарей, классификационных схем, тезаурусов и схем баз данных? Я намерен отложить ответ на этот вопрос и сначала поднять другую проблему, так как я считаю, что у них может быть то же самое решение. Это вопрос масштаба: каким образом мы хотя бы начнем создавать и сохранять ресурсы, которые охватывают политическую информацию в мировом масштабе. Эта проблема стоит перед разработчиками EULEGIS, хотя в меньшем масштабе, и это одна из причин, почему проект остается только прототипом. Я полагаю, что ответ может быть найден в каких-нибудь новых интересных технологиях.

И первая из них – это внедрение Extensive Markup Language (XML), называемого тематическим картами (Topic Maps) (<http://www.topicmaps.org>). Вкратце, Topic Maps обеспечивают способ представить структуру информационных ресурсов, используя элементы, называемые topics и ассоциации, которые должны быть охвачены или ограничены определенным контекстом. В течение последнего года я добился кое-каких успехов в представлении моего прототипа в качестве topic map, и, затем, превращения этой карты в серию взаимосвязанных веб-страниц. Однако, что еще более перспективно в отношении Topic Maps, так это то, что они могут комбинироваться в более крупные Topic Maps без потери информации. Это приводит меня ко второй технологии: Open Archives Initiative Protocol for Metadata Harvesting (OAI-PMH).

OAI-PMH (<http://www.openarchives.org>) – это независимая интегрированная база для сбора метаданных из информационных архивов. Эти архивы могут быть полностью укомплектованными цифровыми библиотеками, или же просто собранием метаданных, а интегрированная база не дает ограничений на тип метаданных, которые принимает, пока их можно выразить в XML. Вместе с тем, я полагаю, что Topic Maps и OAI-PMH позволят специалистам по правительственной информации создавать относительно небольшие специализированные онтологии, нацеленные на потребности местных граждан, которые являются их постоянными клиентами, и созданные, чтобы работать с местными системами, языками и т.д., и превращать эти индивидуальные модули в довольно крупные, прочные справочные ресурсы, которые могут в какой-то степени охватить всю сложность нашего взаимосвязанного мира. По крайней мере, я на это надеюсь.